

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Т. Б. Бекназар-Юзбашев

Этничность, коллективная
идентичность и положение
этноменьшинств в смешанных
сообществах

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Beknazar-Yuzbashev.pdf>

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Т. Б. Бекназар-Юзбашев

Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах

Задачей настоящего обзора является попытка рассмотреть проблематику коллективной этнической идентичности с точки зрения особенностей положения групп нетитульного населения в полиэтнических государствах.

Постановка проблемы

В концептуальных интерпретациях обществоведов различных направлений и школ современное мировое сообщество нередко предстает расколотым на организованные по этническим признакам коллективы, члены которых объединены общей для них историей, религией и культурой, а также солидарным чувством принадлежности к «своей» общности. Расхожее представление квалифицирует нынешнее состояние взаимодействия этих исторически сложившихся общностей с их устоявшейся культурной, политической или религиозной идентичностью как обнаруживающее серьезный конфликтный потенциал. Особенно это касается случаев, когда крупные по численности этнические общности вынуждены сосуществовать в режиме одного государства, и соответствующее политическое сообщество, национальные приоритеты которого закономерно задаются главенствующей в нем этнической группой, оказывается, по существу, разделенным на этническое большинство (титульная нация) и этнические меньшинства (нетитульные народы и мигранты).

Конфликт идентичностей. Не только в социально-психологическом, но и в социально-политическом аспекте возникающие в таких смешанных сообществах проблемы взаимосвязаны с несовпадающими коллективными идентичностями титульного и нетитульного населения. Титульные инфраструктуры стремятся к гомогенному, солидарному обществу сограждан и ориентированы на формирование единой, общей для всех членов сообщества надэтнической (национальной) идентичности, обеспечивающей примат гражданства над этничностью. В отличие от этого, нетитульные инфраструктуры претендуют на сохранение идентичности этнических групп как особых коллективных общностей, поддерживающих свои этноспецифические групповые традиции, этническую солидарность и преемственность. Возможный в ситуации полиэтничности государства конфликт параллельно действующих идентичностей является - в зависимости от степени их принципиальной совместимости и интенсивности противостояния - серьезным вызовом для политического сообщества как такового и его членов. Ведь речь идет не столько о коллизии отдельных представлений или интересов (элит), сколько о конфронтации совокупных систем базовых ценностей и основанных на них социологически верифицируемых групповых идеалов, убеждений и ориентаций, которыми определяется практика мышления и поведения групп и индивидов. Вопрос этничности/национальности в данном контексте предстает как дилемма приоритетов в восприятии различными этногруппами заданных рамок доминирующего общественно-политического и социокультурного устройства и сохранения ими специфичной субкультуры, в том числе политической и религиозной.

Понятие коллективной этнической идентичности

Определение понятия коллективной идентичности нередко строится по аналогии с определением понятия индивидуальной идентичности. При всем многообразии предлагаемых дефиниций их относительно общий знаменатель сводится, в целом, к тому, что коллективная идентичность этногруппы определяется как относительно устойчивый в своей основе набор специфических признаков или символов, характеризующих индивидуальность и самобытность данной группы и обеспечивающих ее конституирование и функционирование как общности, отличной от других этногрупп. Коллективная этническая идентичность детерминирована через различные критерии, приписываемые этногруппе в качестве имманентных (идентификационных) признаков: самоназвание;

собственная территория; исторические традиции; своеобразие материальной и духовной культуры, включая язык и религию; определенные устойчивые стереотипы поведения, сознания и менталитета членов группы и т.д. Решающее значение имеет, однако, то обстоятельство, что на основе относительно стабильной и упорядоченной системы освоенных в процессе развития общих ориентаций и ценностей, присущих данной этнической группе, выстраивается механизм внутригрупповой интеграции общности и ее дифференциации по отношению к сопоставимым коллективным образованиям, чем обеспечивается необходимый уровень этнической лояльности и солидарности членов группы.

В этом смысле следует признать, что формирование и функционирование коллективных этнических идентичностей необходимо предполагает взаимодействие объективных и субъективных факторов. Одно только общее происхождение или культурная общность еще не являются самодостаточным условием утверждения коллективной идентичности, выражающейся в наличии субъективного коллективного чувства «мы-группы». Можно предположить, что объективные признаки коллективной общности служат, в принципе, лишь своеобразным «исходным материалом», определенные элементы из которого выбираются и перерабатываются социальной практикой и затем в ходе направленного когнитивно-воспитательного процесса используются в формировании и укреплении этнической идентичности. Конституирование идентичности этнической общности как самоорганизующейся системы сопровождается при этом установлением собственной иерархии разнообразных ролевых принадлежностей, основанной на действии обязательных в рамках общности норм, правил и процедур, и подкрепляется нормативным распределением социальных статусов и авторитетов.

Коллективная этническая идентичность не тождественна сумме индивидуальных этнических идентичностей членов общности, поскольку этничность — это групповой феномен, который формируется как коллективная традиция, передаваемая через многие поколения. Можно согласиться с мнением, что она вырабатывается обобщенным коллективным опытом, который в последующем может утратить свой первоначальный, конкретно обусловленный смысл и превратиться в своего рода автономно существующую метафизическую конструкцию. Тем не менее, идентификация по этническим признакам — действительным или же только воображаемым — является, в любом случае, ключевым

фактором социализации индивида, становления его индивидуальной идентичности и ценностного восприятия окружающей действительности. Независимо от того, выступает ли этническая идентичность как объективная или субъективная реальность, этноидентификация создает ощущение межпоколенной и исторической преемственности. Этническая идентичность индивида представляет собой, в таком понимании, чувство принадлежности индивидуума к определенной общности и подчинение ее нормативно-ценностной системе, которыми в значительной степени определяется и регламентируется поведение индивида на уровне его внутригрупповых и внегрупповых коммуникаций.

Актуализация принципа этничности: дилемма этничности и национальности

По сравнению с «классическими», донациональными формами этничности, интерпретируемыми в категориях антропологических аксиом этногенеза (т.н. этнические политии), феномен этничности в его современной трактовке обнаруживает определенную специфику. Считается, что его развитие связано с переделом политико-территориальных пространств исторически сложившихся народов-этносов в процессе утверждения «государств-наций» и с особенностями динамики последующих этнических миграций.

Несмотря на идеализированное представление об этнической однородности «государственных наций», большинство государств являлись и являются этнически смешанными сообществами, объединяющими людей и народы различного этнического происхождения, принадлежности и идентичности. Но в любом государстве основным конституирующим его фактором, по логике вещей, выступают интересы лишь вполне определенного, а именно - титульного народа, чьи культура, традиции и ценности утверждаются в качестве доминирующих в масштабе всего политического сообщества и рефлектируются государством на уровне политики и права. Даже в условиях формального признания равного статуса различных народов и этногрупп, сосуществующих в полиэтничном государстве, модель «правления большинства» необходимо включает в себя параметры этнической конкуренции и системно приводит к иерархизации их положения, закрепляемой также и на уровне юридических установлений и норм. Это связано, прежде всего, с тем, что решения о приоритете признанных в рамках сообщества ценностей, распределении статусов и

правовых гарантий обуславливаются, в конечном счете, не консенсусом различных этнокультурных групп (исключением из этого правила является, возможно, лишь Швейцария с ее моделью «проминоритарной» демократии), а согласием большинства государствообразующей нации. Нетитульные народы и этногруппы оказываются, таким образом, интегрированными в политическое сообщество, где они находятся в положении «структурных меньшинств» по отношению к иноэтническому большинству, от которого они отличаются своеобразием материальной и духовной культуры, религии, языка и своей «собственной» исторической традицией (ethno-history). В этих условиях феномен их этнической идентификации, выступая одновременно и результатом, и антитезой национальной адаптации нетитульных меньшинств в рамки «чужого» государства, приобретает форму акцентированного культивирования меньшинствами собственных группообразующих компонентов как особой ценности. Это находит свое выражение в параллельно развивающейся «мобилизационной» этнизации меньшинств, направленной на сохранение характерных для них атрибутов традиционной идентичности, отличной от доминирующей идентичности. В связи с этим для государства, как координирующего центра, призванного обеспечить достижение унифицирующей и интегрирующей общественной солидарности, а также укрепление целостности и стабильности сообщества, встает вопрос о регулировании статуса различных этногрупп в рамках сообщества и о защите их специфических групповых интересов и прав. И без того непростая задача по решению проблем защиты идентичности миноритарных этносообществ в полиэтнических системах приобретает специфически критическое измерение, если речь идет о положении этноменьшинств, служащих в качестве негативной «референтной группы» в процессе формирования коллективной идентичности государствообразующего народа.

Концептуализация проблем этнической идентичности

В исследованиях о роли этнических факторов в социальной практике вплоть до 70-х гг. XX в., превалировало мнение, что с развитием системы государственности, базирующейся, по идее, на моноцентристской модели «культурной гомогенности», феномен этничности и этноидентификации будет утрачивать свое значение. В последующем, представления о поступательном сглаживании и преодолении этнических различий уступили место констатациям

нарастающей этнической плюрализации демографической и социальной структуры модернизирующихся обществ. Интерес аналитиков сосредотачивается на исследовании процессов этнической сегментации государств, углублении этнокультурных противостояний, а также изменении привычных конфигураций этносоциальных структур. При этом констатируется дестабилизирующее, а нередко и делигитимирующее воздействие этих тенденций на политические институты государства.

В поисках деидеологизированных решений в доктрине постепенно складывается приоритетная «междисциплинарная» теория этничности, в рамках которой механизмы этнической дифференциации концептуализируются преимущественно через категорию «культура», увязываемую с социопсихологическим конструктом «идентичность» в ее индивидуальном - личностном и социальном – измерении. В смысловое поле данной интеллектуальной парадигмы вписывается и последовательная разработка номиналистического тезиса о преимущественно дискурсивной природе этничности и связанных с ней этнонационализмов и этнополитических конфронтаций. Каузальная определенность этнической дифференциации обществ, постулируемая в рамках признания ее субстанциональной обусловленности объективно данными параметрами, релятивируется в данной трактовке инструментальным пониманием этнодифференциации как социокультурного феномена, возникающего и развивающегося в результате процесса направленного социального конструирования. Фактор этничности локализуется главным образом на уровень индивидуальных этноидентификаций (индивидуализация этничности). Деонтологизация этносов еще более усиливается рассмотрением процессов этнической дифференциации как явлений преимущественно психологического и символического порядка (теория «воображаемых сообществ»). На этой концептуальной основе предлагается, в конечном счете, и соответствующая рецептура преодоления конфликтогенности полиэтничных сообществ. Путь к достижению интеграции этноидентичностей, и в первую очередь, идентичностей этнического большинства и этнических меньшинств, видится в реализации идеи мультикультурного сообщества. В отличие от модели «национального государства», предполагавшей поглощение миноритарных этноидентичностей в доминирующую национальную идентичность, теория мультикультурализма исходит из принципа конвергенции или балансирования этноидентичностей через конструирование

полинациональности. Говоря в категориях устоявшихся метафорических клише, мононационалистический конструкт «плавильного котла» (melting-pot) замещается этноплюралистической идеологией «салатницы» (salad bowl).

Основные стратегии в отношении этноменьшинств

Определяющее значение для положения нетитульного населения полиэтничного сообщества имеет структурная политика соответствующего государства (или политического большинства) в отношении национальных и этнических групп. В системном плане можно условно идентифицировать три возможные стратегии социального управления процессами этнодифференциации общества и регулирования взаимодействия между титульным большинством и этноменьшинствами: стратегию устранения, стратегию контроля и стратегию признания.

В рамках стратегии устранения морально-политическая принадлежность к общему государству, основанному на ценностных ориентациях базовой этнокультурной общности и рефлектирующему ее коллективную идентичность, выступает той инклюзивной концепцией, которая призвана преодолеть неоднородность и партикуляризмы «собрания народов», соединенных в одном политическом сообществе. Политическое большинство осуществляет меры прямой или косвенной интеграции (ассимиляции) и системной унификации этнических структур и идентичностей в единую институционально-территориальную общность, обеспечивая устойчивую гомогенность общества и адекватное ей государственно-политическое структурирование и нивелирование этнонациональных особенностей.

Через стратегию контроля институциональное большинство обеспечивает собственную властную монополию за счет систематического исключения меньшинства от участия в механизме политического господства. Этим не исключаются определенные символики самоопределения меньшинств, в первую очередь, элементы самоуправленческой организации и механизмы автономного этноконтроля, реализуемые меньшинствами в территориально и предметно ограниченных рамках. Этнокультурный раскол общества и партикулярные этнические приверженности меньшинств толерируются контролирующим большинством в пределах, диктуемых потребностями обеспечения его гегемониального положения. Характерно, что эта цель может достигаться как административно-авторитарными методами

(например, системной сегрегацией через выразительно раздельное существование групп), так и формально-демократическими процедурами (например, благодаря действию принципа большинства при принятии решений). «Толерантные» отношения между большинством и меньшинствами оказываются, в конечном итоге, вертикально выстроенной системой, обоснованной не столько нейтральностью государства, сколько его покровительственной терпимостью, инструментализируемой им в прагматических целях сохранения и контроля властной ситуации (вертикальная толерантность).

В рамках стратегии признания большинство устанавливает модель социокультурного сосуществования различных этногрупп, которая предполагает достижение ценностно-нормативного общественного консенсуса, основанного на взаимных компромиссах между этническим большинством и меньшинствами. При этом направлены принимаются различные протекционистские, в том числе институциональные, меры по созданию условий для развития этнической идентичности меньшинств как автономных нормативно-моральных субъектов (горизонтальная толерантность). В более радикальном варианте этнокультурные группы предстают в качестве равноправных политико-правовых субъектов, культурная автономия этноменьшинств дополняется административной, они наделяются политической субъектностью.

Модели «этнической интеграции» политического сообщества

В зависимости от превалирования в государстве той или иной стратегии регулирования положения этноменьшинств можно выделить три основные институциональные модели осуществления этнической интеграции политических сообществ. Во-первых, это модель империи, в которой специфическая этническая дифференциация общества сохраняется, а государственное единство обеспечивается за счет иерархической организации и контролируемой деэтнизации этничности. Во-вторых, это модель национального государства, организуемая по принципу деэтнизации государственности и создания надэтнической «политической нации». И, в-третьих, это модель мультинационального государства, в рамках которой межэтническая интеграция реализуется через признание этнокультурного плюрализма общества и полиэтнизацию государства.

Модель империя (этнокультурный изоляционизм). Для имперской (державной) модели характерным является установление режима нормативной иерархизации и ранжирования субъектности входящих в нее этносов, а также соответствующей градации статусных меньшинств при сохранении элементов их культурной автономии. Коллективная идентичность «имперского социума» задается традициями и культурой главенствующей в политическом отношении этногруппы. Нивелирование последствий этнической неоднородности сообщества и координация политического поведения населения достигается не столько через механизмы межэтнической социальной интеграции и культурной унификации, сколько путем субординации, а при необходимости, и стигматизации негосподствующих (миноритарных) этногрупп. Осуществляемая в рамках данной модели стратегия направленной этнической сегрегации и изоляции позволяет остающимся в анклавном положении этносообществам практиковать - в локализованных рамках и, главным образом, на бытовом уровне, - свои традиционные жизненно-стилевые обычаи и поведенческие стереотипы, конфессии, языки и т.д. В результате создаются определенные условия для сохранения ими их традиционной этнокультурной идентичности.

Модель «государственной национальности» (унификация этногрупп в гражданскую нацию). Смысл данной модели состоит в преодолении этнической дифференциации общества за счет монокультурной ассимиляции различных групп населения в единую нацию граждан, детерминированную через предписанную общность ее политических и культурных ценностей и символов. Конституирование национальной идентичности происходит в пределах «гражданского» (США, Франция) или «культурного» (Германия, государства Южной Европы) прочтения нации как эквивалента всего населения, проживающего на ограниченной границами данного государства территории.

Из соображений обеспечения эффективности правления и достижения оптимальной управляемости обществом «государство-нация» стремится к укоренению единой коллективной идентичности «государственного народа» в том смысле, что от всех членов общества требуется идентификационная ориентация на общие нормативы и стандарты национальной или гражданской общности. Через императив национальной идентичности «естественное» состояние этнической принадлежности, идентификационные структуры и ментальность членов

сообщества модифицируются: этническая идентичность «конвертируется» наложением на нее вменяемой гражданской идентичности. У титульного большинства его этноидентификация является де-факто монокультурной национальной идентичностью, поскольку обе формы его групповой идентичности - этническая и гражданская - совпадают, по природе вещей. В отличие от этого, у представителей нетитульных меньшинств, если таковые после гомогенизирующих мероприятий национального государства еще сохраняются, коллективная идентификация подразумевает двойную, бикультурную идентичность, сочетающую элементы этнической и национальной (гражданской) идентичности.

Модель мультинационализма. Теоретическая модель мультинационального государства основывается на идеях «конгломератного сосуществования» субнациональных общностей в условиях формальной нейтральности институтов публичной власти. В ее рамках постулируется достижимость институциональной интеграции сообщества через механизмы артикулированного политического и социального признания ценностей этнокультурного плюрализма (Тэйлор, Уолзер, Макинтайр). Это предполагает общественный пересмотр диалектического соотношения идентичностей большинства и меньшинств не только в плане обсуждения мер защиты культуры, прав и идентичности меньшинств, но и в плане переосмысления большинством самоочевидности традиционных, нормативно-ценностных и социоструктурных основ организации политического господства.

Признание значимости и самоценности взаимообусловленного сосуществования этногрупп подразумевает их включение в систему структурированного демократического самоуправления, трактуемого как «сообщество сообществ» (Этциони). При этом, если изначально конструкция мультинационального государства проецировалась преимущественно на соблюдение критериев пассивной толерантности государства в отношении этнокультурной дифференциации, то в дальнейшем эта конструкция дополняется активистской теорией этноплюрализма, требующей формального юридического признания этноменьшинств, а также принятия мер нормативного обеспечения особых прав этнокультурных общин и защиты их идентичности. Приверженцы радикального мультикультурализма пропагандируют, в конечном счете, такое социально-политическое устройство, в котором общественное большинство, отказавшись от системы доминирования его

социокультурных и нормативных ценностей, займется формированием солидарной, ситуативно-множественной государственной идентичности («гибридная» идентичность).

Одновременно для мультинациональной модели характерна релятивистская установка на нормативный плюрализм, призванный преодолеть монизм правовой системы политического сообщества путем включения в государственную систему права - а соответственно и управления - целого множества нормативных квазипорядков, в том смысле, что «каждый гражданин волен делать выбор, какой системой ценностей руководствоваться в той или иной ситуации» (Ковлер). Конструкция полиюридизма (который, в свою очередь, подразделяется ее теоретиками на этнический, конфессиональный, региональный и политический) инкорпорирует в систему действующего государственного правопорядка конгломерат существующих в различных этногруппах нормоустановительных механизмов, их специфические правовые традиции, формальные и неформальные юридические институты, нормативные регуляции и другие элементы этнических нормосистем. При этом, обычное этническое право и соответствующие практики структурируются в рамки общего (мульти)национального правопорядка, оставаясь по отношению к нему автономной нормативной системой, имеющей свой источник легитимации. Этноменьшинства предстают как «квазигосударства» с элементами субнационального суверенитета. Назначение модели правового плюрализма видится в том, чтобы через признание множественности субъектов нормотворчества разместить различные формы права «в одной правовой матрице», состоящей из взаимообусловленных ценностно-ориентированных «правовых кодов», и прийти к «сосуществованию правовых культур, в том числе и этнических, с учетом конкретных материальных условий жизни народов и их ментальных установок» (Ломакина).

Показательно, что концепт правового плюрализма обосновывает в итоге не только плюралистичность норм, но также и плюралистичность юрисдикций, допуская, в частности, вариативность принятия правоприменительных и судебных решений в зависимости от «условий конкретной социальной среды, исторических, географических, экономических и культурных факторов развития, которые должны быть учтены судьями при вынесении решения» (Карбонье). Этим должна, по идее, обеспечиваться действенная множественность «конкурирующих» в

мультинациональном государстве «деэтицизированных» норм, эталонов и образцов, интегрированных в некую системную целостность.

Можно заметить, что уже в своей исходной установке модель мультинационализма, основанная в принципе на осуществлении вышеупомянутой стратегии равноправного взаимного признания, представляется уязвимой. Система, которая в самой основе своей в такой степени ориентируется на существующие в обществе разрывы коллективной идентичности, не может не воспроизводить и не усиливать эти различия, а в конечном счете, и собственную политическую конфликтность. Этим закладывается потенциальный фундамент для постоянно самогенерируемой и актуализируемой политико-социальной дифференциации и переидентификации сообщества, которые дезинтегрируют государственную идентичность, дестабилизируя четкое соотношение между «вертикальным измерением господства» и горизонтальным измерением общественной солидарности и согласия. Центральный атрибут большинства - государственная монополия на власть (и легитимное насилие) - утрачивает жесткую и упорядоченную систему координат, основанную на общих идеях справедливости и общественного блага (диффузия власти). В этом смысле, модель сосуществования на основе «взаимного признания», редуцирующая комплексную социально-политическую проблематику до ее отвлеченно культурологического измерения, может способствовать, в лучшем случае, хронификации состояния конфликтности идентичностей, но редко - принципиальному его преодолению. Ведь, в конечном счете, - если заимствовать высказывание Уолзера - политика различения начинается с того, что «группа людей ... настаивает на своей ценности как общности и коллективной солидарности и требует также определенного публичного признания», а приводит к тому, что «любое проявление непризнания воспринимается как акт угнетения». В любом случае, балансирование сообщества между ориентацией на целостность и единство ради стабильности и управляемости государства, с одной стороны, и признанием этноплюралистических ценностей ради уважения к разнообразию его населения, с другой, вряд ли может быть основано на одних только апелляциях к культурно-историческим особенностям.